

«Я ПОМНЮ ДОМ
НАШ ДЕРЕВЯННЫЙ...»

ДОМ И МУЗЕЙ

Николай Пигарев

Ко мне неоднократно обращались и мои дети, и близкие знакомые с просьбой записать мои воспоминания. Какой-то интерес они могут представлять потому, что я родился в августе 1916 года — на рубеже двух эпох — в семье, на которой отразился этот перелом, переход от одной формации к другой. В нашей семье много было еще старозаветного, как позднее мы, дети, говорили, «феодалного», в ее укладе, в нашем воспитании, что будет видно при дальнейшем описании нашей жизни. До Октябрьской революции наша семья была тесно связана с царской семьей, причем эта связь установилась еще в прошлом столетии, но особенно укрепилась с начала 900-х годов. Естественно, что все, относящееся к этому времени, я записываю по рассказам моих родных, сохранившимся в моей памяти. Никакие позднейшие публикации, особенно многочисленные в последние годы, на эти воспоминания не повлияли, и никакие коррективы я в них не вносил.

Часть I

Несколько слов о происхождении нашей семьи. Мать моя была Тютчева, отец — Пигарев. Родословная Тютчевых хорошо известна и подробно излагается рядом авторов в биографии поэта Ф.И. Тютчева. Упомяну, что Тютчевы принадлежали к старинному дворянскому роду. Еще в 1380 году один из предков поэта, Захарий Тютчев, был послан московским князем Дмитрием на переговоры к татарскому хану Мамаю.

Здесь мне хочется рассказать о моем деду по матери — Иване Федоровиче, сыне поэта. Я его, конечно, не знал, так как он умер 26 мая 1909 года. Но я и мой брат Кирилл и сестра Ольга воспринимали его как живого. Большой портрет Ивана Федоровича висел в комнате моей матери в Муранове (он и сейчас находится на том же месте), и от нее мы много слышали о дедушке как об исключительно порядочном и добром человеке. Когда-то Иван Федорович работал помощником прокурора в Смоленске, за-

тем длительное время был мировым судьей в Дмитровском уезде, на территории которого находилось тогда имение Мураново, в котором жили Тютчевы. Позднее он состоял при Великом князе Сергее Александровиче, когда тот являлся московским генерал-губернатором. В 1907 году Иван Федорович был назначен членом Государственного совета. Кроме того, он проводил, как бы теперь сказали, большую общественную работу. Так, он был председателем Совета Московского училища живописи и ваяния, попечителем 7-й Московской гимназии, председателем Попечительства над славянскими учащимися в Москве. В последнем случае в какой-то мере сохранились семейные традиции, поскольку известно, какое участие в этом вопросе принимал муж старшей сестры Ивана Федоровича — Иван Сергеевич Аксаков. В сто-

Н.И. Тютчев и К.В. Пигарев.
Фотография В.С. Молчанова. 1948

Неизвестный художник. Портрет Ю.П. Пигаревой, прабабки Н.В. Пигарева. Первая треть XIX в. Холст, масло

Неизвестный художник. Портрет В.С. Пигарева, прадеда Н.В. Пигарева. 1828. Холст, масло

лице Болгарии Софии есть даже улица Ивана Аксакова.

Моя мать была младшей дочерью Ивана Федоровича, и, возможно, поэтому он ее особенно любил, как это вообще нередко бывает в отношении младших детей. Но и она отца не просто любила, а была с ним дружна. Они часто вместе бывали за границей — в Италии, Германии, Австрии, Швейцарии. При этом у них были общие интересы: посещение музеев, картинных галерей, театров, особенно оперных. Хорошо помню рассказы матери об этих путешествиях, когда она с увлечением передавала впечатления о каких-либо картинах — в Италии, Германии, Австрии, Швейцарии. При этом у них были общие интересы: посещение музеев, картинных галерей, театров, особенно оперных. Хорошо помню рассказы матери об этих путешествиях, когда она с увлечением передавала впечатления о каких-либо картинах — в Италии, Германии, Австрии, Швейцарии и т. п. Стоит теперь отметить, что ни о каких магазинах или стоимости каких-либо товаров не было и речи.

Попутно отмечу, что мы, то есть мой старший брат Кирилл, сестра Ольга и я, называли наших родителей мама и папа, как это было принято тогда в дворянских семьях. Так в своем дальнейшем изложении буду называть их и я.

Мама мне рассказывала, что она так долго не выходила замуж за моего отца, которого она знала десять лет, только потому, что, выйдя замуж, она должна была бы расстаться со своим отцом, что для нее, да и для него, было бы очень тяжело. Мама вышла замуж через год после смерти моего дедушки.

Бабушку Ольгу Николаевну Тютчеву я еще помню, так как она умерла в 1920 году, когда мне было почти четыре года. Но воспоминания

о ней у меня все же смутные. Помню ее сидящей в кресле с круглой подушечкой под ногами, которую я приносил ей по ее просьбе. Сейчас совершенно не принято применять такие подушечки, хотя сидеть в кресле, поставив на них ноги, очень уютно. Но много ли времени нам удается теперь спокойно проводить, сидя в креслах! Ольге Николаевне принадлежало Мураново, и она была последней его владелицей.

Теперь я хочу рассказать о взаимоотношениях между моими ближайшими родственниками и царской семьей. Напомню, что Анна Федоровна Тютчева, дочь поэта, тринадцать лет провела при дворе. Последние восемь лет она являлась гувернанткой детей Александра II. Возможно, что именно поэтому, когда возник вопрос, кого пригласить воспитательницей к четырем дочерям Николая II, выбор пал на старшую дочь Ивана Федоровича — Софью, которая в то время была фрейлиной императрицы.

Софья Ивановна, которую мы впоследствии называли «тетушка», приступила к своим обязанностям в январе 1907 года. В это время ее будущим воспитанникам, Великим княжнам было: Ольге двенадцать лет, Татьяна — десять, Марии — семь и Анастасии — пять лет. В этой должности тетушка пробыла больше пяти лет, после чего получила отставку из-за ее отрицательного отношения к Распутину и любимой фрейлине Императрицы Анне Вырубовой, которое она не скрывала.

Мой дядюшка Николай Иванович имел придворное звание камергера и церемоний-

мейстера. При торжественных выходах Царя впереди процессии шел церемониймейстер с жезлом в руках, в верхней части которого был золотой двуглавый орел.

Моя мать, Екатерина Ивановна, до замужества была фрейлиной Императрицы. Отец, Василий Евгеньевич Пигарев, с 1905 по 1910 год работал в Управлении Московского генерал-губернатора, а затем до самой революции являлся секретарем Великой княгини Елизаветы Федоровны. На этой должности он занимался главным образом ее многочисленными благотворительными заведениями. Это позволило мне, заполняя впоследствии анкеты, в графе «Место работы родителей до 1917 года» писать, не кривя душой: «отец секретарь ряда благотворительных организаций». Единственное, что я не называл, кто возглавлял эти организации.

Крестной матерью Кирилла была Великая княжна Анастасия (ей было при этом четыре года!), а Ольги — Великая княгиня Елизавета Федоровна. Но они крестили, так сказать, «заочно», с их согласия они были записаны как крестные матери. Кирилл как крестник Великой княжны несколько раз был с мамой во дворце. Она вспоминала, что Кирилл отказался играть с наследником Алексеем, который был старше его.

Меня крестила Великая княгиня Елизавета Федоровна, которая для этого приезжала в Мураново, где я родился. С просьбой быть моей крестной матерью к ней обратились, когда меня еще не было на свете и не было известно, кто родится: мальчик или девочка. Елизавета Федоровна предусмотрительно приготовила вышитое ею розовое одеяло на голубой шелковой подкладке. Такое одеяло годилось для ребенка любого пола. У меня сохраняется небольшая икона «Знамения», на обороте которой прикреплена серебряная дощечка с выгравированным факсимиле: «Маленькому Николаю от крестной матери Елисаветы». Крестным отцом моим был дядюшка Николай Иванович. Вспоминая Елизавету Федоровну, мама отзывалась о ней всегда с большим уважением. Ее хорошо знал художник Михаил Васильевич Нестеров, который был большим другом нашей семьи и почти каждый год бывал в Муранове. Приезжал он и в 1926 году, в августе, когда меня позвал дядюшка и предупредил, что Михаил Васильевич хочет подарить мне рисунок и чтобы я не делал разочарованного выражения. Естественно, он боялся, что десятилетний мальчишка может не отнестись с должным уважением к рисунку, даже Нестерова! На рисунке, сделанном цветными карандашами, изображена молодая женщина с пальмовой ветвью в руках, над головой у нее нимб, как у святой. Нестеров не говорил, но по сходству не вызывает сомнения, что он изобразил в виде святой Елизавету Федоровну через восемь лет после ее трагической гибели и более чем за шестьдесят лет до ее канонизации

и причисления к лику святых. Не так давно мне довелось видеть в храме Марии Магдалины в Иерусалиме икону новомученицы Елизаветы, изготовленную в США. Но, как мне кажется, рисунок Нестерова в большей степени отражает облик Великой княгини.

Мой отец умер в 1919 году, когда мне не было еще трех лет, так что помнить его я не могу. Но мама так много и с такой теплотой о нем рассказывала, что у меня сохранилось к нему чувство глубокого уважения и любви.

Раньше чем перейти к описанию создания Мурановского музея и нашей жизни в Муранове после революции, расскажу об одном эпизоде, который произошел в имении еще осенью 1917 года.

Вечером вся семья сидела за ужином в большом доме. Большим домом тогда называли здание, в котором сейчас музей, в отличие от нашего флигеля, который называли дачей. На улице было уже темно, погода была дождливая. Неожиданно в доме появилось несколько вооруженных мужчин, которые предупредили, что дом оцеплен и чтобы никто без их разрешения не покидал своих мест. Оказалось, что действует целая банда, не менее двенадцати человек. Но вели они себя в общем-то достаточно тактично, если это слово применимо к бандитам. Обращались, особенно к бабушке, они вежливо, не применяли никакого насилия. Всех обитателей дома попросили одеться теплее, предупредив, что там, куда они их поведут, холодно. А отвели они всех в подвал под церковью, где действительно было холодно. Был там и я, но пишу об этом, конечно, по рассказам, которые позднее я слышал неоднократно. Тогда же мне было немногим более года. Перед тем как привести в подвал бабушку, бандиты спустили в него кресло, а затем возгласили: «Принимайте мамашу!» Бабушку вели под руки и осторожно свели ее по крутой лестнице.

У бабушки тогда еще были кое-какие драгоценные вещи (кольца, брошки т. п.). Незадолго до появления бандитов она их все собрала и сложила почему-то в чулок. Когда папа ей говорил, что в такое время следовало бы их куда-нибудь спрятать, она отвечала, что всегда успеет. И успела! Думаю, что бандит, сопровождавший бабушку в ее комнату, был ей благодарен. Всех приходивших за чем-нибудь в усадьбу сейчас же вполне вежливо спускали в подвал. Из деревни к тетушке прибежал мальчуган за лекарством для своей матери. Лекарства мать не дождалась, так как мальчик оказался в подвале. Обеспокоенный долгим отсутствием сына, пришел его отец и тоже пополнил собой общество в подвале. Через некоторое время там оказалась и сама болевшая мать! Я находился в подвале на руках у своей няни Татьяны Титовны. Вечером из Москвы в Мураново возвращался дядя Федя (старший сын Ивана Федоровича). Выйдя на станции и не обнаружив экипажа, он

был весьма возмущен, так как пришлось идти пешком в темноте по дороге, грязной после дождя. Когда он подходил к ограде усадьбы, его встретили молодые люди, попросили надеть дома что-нибудь теплое и проводили под церковь. В общей сложности там собралось тридцать два человека. Сидели они в подвале до утра. Когда стало светло, убедившись, что снаружи тихо, никого не видно, пленники через решетку окна выпустили на волю мальчугана (вот когда он пригодился, взрослый человек не смог бы пролезть через решетку!). Он сбегал в деревню, поднял там тревогу, и к церкви прибежали люди во главе с кузнецом. Дверной висячий замок был открыт, и по кругой лестнице вверх потянулись все невольные обитатели подвала. Похищенными оказались в основном разные ценные вещи — столовое серебро, золотые украшения, часы и т. п., что впоследствии сказало отрицательно на материальном благополучии семьи.

На зиму, как и всегда, вся семья переехала в Москву, где мы пережили революционные события и оставались там до организации в Муранове музея.

Когда произошла революция, помещичий дом в Муранове не был реквизирован. Но дядюшка Николай Иванович отдавал себе отчет, какое значение мурановский дом может иметь в будущем как дом, связанный с именами Тютчева, Боратынского и других писателей прошлого столетия. Боясь, чтобы дом не подвергся участи многих имений, разграбленных в тот период, дядюшка получил в 1918 году в Наркомпросе РСФСР на имя О.Н. Тютчевой охранную грамоту на усадьбу и обстановку мурановского дома. В Мураново даже прислали сторожа, который охранял дом до организации музея.

Следует, правда, заметить, что у Тютчевых всегда были хорошие отношения с окрестным населением и никаких поповознений на разрушение дома и хищения чего-либо не было. Нападение бандитов, о котором я рассказывал, было осуществлено не жителями деревни Мураново, которых всех Тютчевы хорошо знали. Хотя не исключено, что кто-либо из местных жителей и явился его инициатором.

Добиваясь сохранения дома, дядюшка не имел никаких «корыстных» целей. Наоборот, после того как было принято решение о создании музея, дядюшка передал музею старинную мебель, фарфор, бронзу, находившиеся в его московской квартире.

Постановление об организации на основе мурановского дома музея имени поэта Ф.И. Тютчева было принято Совнаркомом РСФСР, и музей был открыт в 1920 году. И хотя в это время в доме уже никто не жил, но вся обстановка в нем была жилого дома. Поэтому если бы не было многочисленных вещей, переданных дядюшкой, то создать в Муранове такой мемориальный музей было бы весьма трудно. Есте-

ственно, что раньше в доме, в котором жила большая семья, было несколько спален, обстановка которых не представляла бы особого интереса для экскурсантов. Дядюшка же со своим прекрасным знанием стиля эпохи сумел превратить ряд спален в комнаты, которым было придано иное назначение, но которые по своему облику вполне соответствовали интерьеру помещичьих домов. К числу таких комнат относятся Голубая и Зеленая гостиные, Зимняя столовая на втором этаже, Аксаковская и Гоголевская комнаты.

В качестве примера обстановки спален сохранилась комната последней владелицы Муранова Ольги Николаевны. Спальня поэта Тютчева, которая таковой никогда не являлась, имеет основание так называться, поскольку в ней сосредоточены мебель и другие вещи из царскосельской квартиры поэта.

Значение в экспозиции музея вещей, переданных Николаем Ивановичем, хорошо видно из следующего. В 20-х годах была проведена инвентаризация и оценка всех экспонатов, находившихся в музее, с указанием, откуда они поступили. Стоимость мебели, картин и других предметов из коллекции Николая Ивановича составила значительный процент от общей стоимости всех экспонатов.

Первым директором музея был некто Константин Игнатьевич Баргашевич, а дядюшка был назначен «пожизненным хранителем Мурановского музея». Вот такая была придумана должность или звание! Но Баргашевич, вполне порядочный, однако в музейном деле, видимо, случайный человек, скоро уехал, и директором стал Николай Иванович.

В 1920 году наша семья вернулась из Москвы в Мураново. Помню, что на станции Апукинская нас ожидала коляска, запряженная парой рыжих лошадей, высланная за нами из совхоза. Совхоз был организован на базе имения, и возглавлял его латыш Снедин. К совхозу отошли земли имения и все постройки, кроме большого дома и флигеля, построенного в 1879 году Иваном Федоровичем для вдовы поэта Эрнестины Федоровны. Не относилась к совхозу и церковь, которая тогда еще функционировала.

Разместились мы все, включая дядюшку Николая Ивановича, во флигеле, который тогда еще по-старому называли дачей. Тетушка Софья Ивановна, с мамой и дядюшкой заняли по комнате; мы, трое детей, разместились в большой детской. Столовая и гостиная сохраняли свое назначение. Рядом с домом находилось небольшое двухэтажное строение — кухня, на втором этаже которого жили две наши домработницы (правда, тогда их так не называли) — Катя и Леля. Катя, Екатерина Алексеевна Федорова, раньше была горничной тетушки и сопровождала ее во всех ее заграничных поездках с царской семьей. Леля, Елена Яковлевна Ильченко, была крестницей мамы, дочерью одного из служащих имения.

Главный дом.
Южный фасад

Главный дом.
Темный коридор

Портрет Великой княгини
Елизаветы Федоровны

Вид на церковь

Флигель и летняя кухня

В 1923 году в связи с 120-летием со дня рождения поэта Тютчева его потомкам было предоставлено право пожизненного проживания во флигеле при музее. В постановлении перечислены Николай Иванович и Софья Ивановна Тютчевы и Екатерина Ивановна Пигарева с тремя детьми. Так я получил право «пожизненно проживать» в доме, который был построен моим дедом и в котором я родился!

Теперь несколько слов о создании музея, о первых годах его деятельности.

Вся наша жизнь была тесно связана с музеем. Но стоит отметить, что никто из нас не относился к зданию музея (я уже упоминал, что, в отличие от нашего флигеля, его долгое время называли «большой дом») и всей находящейся в нем обстановке как к своей бывшей собственности, принадлежащей теперь государству.

Штат музея сначала состоял всего из трех человек: директор, уборщица и сторож. Уборщицей была бывшая горничная Анна Матвеевна Федорова, а сторожем — бывший садовник имения Яков Сергеевич Дмитриев. Когда стали появляться посетители, а затем редкие экскурсии, всех их сопровождали по комнатам музея, давая соответствующие пояснения. Без экскурсовода посетителей в музей не пускали, так как никаких смотрителей в комнатах музея не было.

В качестве экскурсоводов сначала подвизались дядюшка и мама, причем мама, как бы теперь сказали, на общественных началах, то есть бесплатно. Лишь много позднее за организованные экскурсии стали платить какую-то мизерную сумму.

То, что музей показывали не просто профессиональные экскурсоводы, выучившие экспозицию, а люди, знавшие всю подноготную музея, его прошлое как дома Боратынских и Тютчевых, создавало особый колорит, что нередко отмечалось посетителями в «Книге отзывов».

Естественно, что больше всего посетителей бывало в музее по выходным дням. Вспоминаю, что когда за одно воскресенье музей посещало сорок-пятьдесят человек, то считалось, что это много!

Но из года в год посещаемость музея росла, и в качестве экскурсоводов стали привлекать сначала Кирилла, а затем Ольгу и даже меня. В дальнейшем Кирилл, еще очень юный, стал первым научным сотрудником музея, когда дядюшке удалось добиться увеличения штата. Тогда же, кажется, появился и второй сторож.

Я никогда особенно хорошо не знал все детали экспозиции музея. Но уже в двенадцать-четырнадцать лет я также участвовал в показе музея, но на мою долю приходились экскурсии, не требовавшие особенной квалификации экскурсовода. Чаще всего это были отряды пионеров, для которых моих знаний хватало.

Наша работа в музее не ограничивалась только проведением экскурсий. В дни, когда

бывало больше посетителей, нам приходилось также продавать билеты и записывать посетителей. Тогда был кем-то и зачем-то установлен порядок, что в специальной книге в отношении всех посетителей, кроме организованных экскурсий, записывали фамилию, откуда и профессию!

В крохотном штате музея не было еще никакого финансового работника, и все финансовые дела вел сам дядюшка. Относился он к этому вопросу исключительно скрупулезно, и ни одного раза у периодических ревизий не было к нему никаких замечаний. Много позднее, при значительном росте посещаемости музея, его штат пополнился экскурсоводами, научными сотрудниками и бухгалтером.

В первые годы существования музея дядюшка привлекал нас троих и к физической работе. Так, мы натирали полы воском, используя для этого тяжелый ручной полотер. Паркет на первом этаже и линолеум на втором блестели замечательно. Нам приходилось также поддерживать в порядке площадки и дорожки около музея и в парке, не допуская появления на них травы.

В первые годы существования музея к нам нередко приезжали старые знакомые Тютчевых и Пигаревых. Впоследствии некоторые из них были репрессированы, но те, кому удалось выжить в тюрьме или в ссылке, обретя свободу, вновь посещали нас в Муранове. Бывал у нас князь Волконский, не помню, как его звали, так как обычно, обращаясь к нему, просто говорили «князь». Приезжал также граф Раstopчин, сын которого Федя был крестником мамы. Нередко бывали большие друзья семьи — В.Ф. Джунковский с сестрой Евдокией Федоровной. До революции Владимир Федорович занимал должность «шефа жандармов» (возглавлял жандармский корпус). Пикуль в одном из своих романов, упоминая о Джунковском, характеризует его как маленького, чуть ли не плюгавенького старичка. В действительности же он был рослый, красивый мужчина с окладистой бородой. Он рассказывал, что когда его арестовали первый раз, то в тюрьме подробно расспрашивали о системе охраны царского поезда. После первого ареста его все же выпустили, запретив проживание в Москве. Вместе с сестрой они снимали после этого комнату в Перловке. Мы особенно любили, когда приезжала Евдокия Федоровна: она прекрасно шила и из разных кусочков материи, имевшихся у тетушки, создавала прекрасную одежду для наших игрушек. Позднее, очевидно, в 30-х годах, Владимир Федорович был вновь арестован и погиб в тюрьме.

Часто бывала в Муранове родственница, кажется, двоюродная сестра, П.А. Столыпина — Ольга Михайловна Веселкина, ближайший друг семьи. До революции она являлась директрисой Екатерининского женского института. В 1924 году ее выслали в Екатеринбург (тогда еще не Свердловск). Там она работала в каких-то

библиотеках, а затем на кафедре иностранных языков института «Уралмаша». Отбыв срок ссылки, она не вернулась в Москву, а осталась работать в том же институте. Она нам писала, что когда ее освободили, то она чувствовала себя как собака, которую долго держали на привязи, а затем отвязали: она ходит около своей конуры, но отойти боится! В итоге Ольга Михайловна стала заведующей кафедрой, получила звание профессора и была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Отпуск она, как правило, проводила у нас в Муранове.

Нашим постоянным гостем бывал Алексей Николаевич Свирин, работавший в музее Сергиевской лавры, а затем в Третьяковской галерее. За глаза мы его звали «Жаворонок», так как «Жаворонок» Глинки был одним из его любимых романсов. Мама очень неплохо пела (в юности она брала серьезные уроки пения), и, когда Свирин бывал в Муранове, он всегда упрямил ее спеть этот романс.

Частым гостем Муранова и большим другом семьи был Сергей Николаевич Дурьлин, тогда еще священник, правда, нигде не служивший. Приезжал он не на один день и использовал свое пребывание у нас, чтобы заниматься с Кириллом и Ольгой литературой. Репрессий не избежал и он и был сослан в Томск. Когда он жил в Томске, Ольга с ним постоянно переписывалась и на память о Муранове посылала в письмах засушенные цветы. По возвращении из ссылки Дурьлин поселился в Болшеве, где его энергичная супруга построила дом. Сергей Николаевич был крупным специалистом в области истории театра и литературы. Кирилл часто навещал его в Болшеве и очень ценил его консультации по литературным вопросам, но это было уже много позднее того времени, о котором я сейчас пишу.

Бывали у нас в Муранове, но не так часто, академик-биолог А.Н. Северцев, поэты М.А. Волошин, Ю.Н. Верховский, С.М. Соловьев и другие.

С Алексеем Николаевичем Северцевым дядюшка был в очень дружеских отношениях, часто бывал у него в Москве.

Бывала у нас и Надежда Андреевна Обухова, приходившаяся нам дальней родственницей по линии Боратынских. Когда она бывала у нас, она всегда пела, а мама ей аккомпанировала. Хорошо помню один теплый летний вечер. Мы все собрались на балконе нашего дома, окна в гостиную, в которой стояло пианино «Рёниш», были открыты, и оттуда раздавался дивный голос Надежды Андреевны, исполнявшей русские романсы.

Бывали в Муранове тогда еще совсем молодые Д.Д. Благой, будущий академик, Зильберштейн, ставший известным коллекционером, и многие другие.

Упомяну и о некоторых дачниках Муранова. В западной части здания музея имеется двухэтажная башня, на каждом этаже которой находится по небольшой комнате. Эту башню му-

зей имел право сдавать, используя получаемые средства для своих нужд (мелкий ремонт и т. п.). В 1924—1926 годах башню снимал известный художник-гравер Алексей Ильич Кравченко с семьей.

Ряд лет в башне летом жила семья Пермяковых. Федор Александрович Пермяков был физик, и он сыграл большую роль в моем дальнейшем образовании, занимаясь со мной алгеброй, геометрией и физикой.

Из моего повествования может сложиться впечатление, что жизнь в Муранове текла как по маслу и была сущим раем. Но это далеко не так: много было различных забот и волнений. Так, если во время революции никаких попыток захватить дом или его обстановку никем не предпринималось, то позднее, когда уже был создан музей, такие поползновения были неоднократны. Инициатива обычно исходила от районных властей, которые планировали создать вместо музея больницу, а в нашем флигеле — ясли. Но эти попытки ликвидировать музей удавалось парировать. Известные деятели культуры, искусства и науки обращались с письмами в соответствующие организации, и разговоры об уничтожении музея прекращались. Большую роль в сохранении музея играли исключительные дипломатические способности дядюшки, который умел ладить с начальством различного масштаба. В некоторых случаях он обращался за поддержкой к В.Д. Бонч-Бруевичу, с которым был в очень хороших отношениях. Бонч-Бруевич раньше был управляющим делами Совнаркома, а позднее директором Литературного музея. У него были большие связи в правительственных кругах, и он знал, с кем имеет смысл говорить о музейных делах.

В этой же связи расскажу о событии, которое в наши семейные анналы вошло под названием «чижовская чистка». Такое название мы ему дали, поскольку оно совпало по времени с пресловутой «чистой партией».

В музее была вакансия сторожа. Но подобрать на эту должность подходящего кандидата дядюшка в то время сам не имел права. Сторожа «подобрали» местные власти — некоего А.В. Чижова. Он относился к категории бедняков и хорошо известен тем, что любил выпить и был «нечист на руку». Прошло сколько-то месяцев, никаких эксцессов с Чижовым не было. Но однажды вечером он пришел к дядюшке и конфиденциально ему сообщил: «Вы, Николай Иванович, так хорошо ко мне относитесь, что я хочу отплатить вам тем же. Мне доподлинно известно, что сегодня ночью у вас будет обыск». Дядюшка его поблагодарил, но спокойно сказал: «Обыск так обыск, прятать нам нечего». Чижов ушел какой-то разочарованный. Было это перед ужином, и дядюшка пришел к нам в обычное время, но, рассказав о визите Чижова, заметил, что нужно немедленно сжечь все, что агенты ГПУ могут рассматривать как компрометирующие нас материалы. Разбираться особенно

не было времени. Затопили две голландки, и туда полетели различные документы, письма, альбомы. В огне погибли многие материалы, которые впоследствии имели бы историческую ценность. Были сожжены многочисленные письма членов царской семьи к тетушке и мама, в том числе письма из Тобольска, где царская семья находилась под арестом. Сожгли несколько альбомов фотографий, снятых во время поездок тетушки в Крым и за границу с Великими князьями. Погиб подлинник герба Пигаревых и разные другие бумаги. Конечно, прошлая связь Тютчевых и Пигаревых с царской семьей была известна и было бы глупо ее отрицать, но и афишировать перед агентами ГПУ было бы неразумно. Ночь мы провели в кроватях, но фактически без сна, прислушиваясь к ожидаемому стуку в двери. Но, слава Богу, в эту ночь никто не появился, не появился и в следующие, и обыска так и не было. Но сколько ценного погибло от чижовской информации, цели которой так и остались неясны.

Позднее обыск все же был, но не в Муранове, а в Москве, в двух комнатах, которые занимал дядюшка в большой коммунальной квартире в Собиновском переулке. Дядюшка в это время был в Муранове, но кто-то из соседей по квартире приехал его предупредить, что в комнате сидят чекисты, ожидающие, очевидно, его приезда. Естественно, что дядюшка в Москву не поехал, но мы провели в Муранове тревожные дни, вернее, ночи, опасаясь появления гэнэушников. Дней через десять соседи сообщили, что обе комнаты опечатаны. Довольно долго после этого дядюшка ездил по музейным делам в Москву, не заходя к себе на квартиру. Затем, кажется, опять через Бонч-Бруевича, дядюшке разрешили сломать печати и войти в свои комнаты. В них был беспорядок, накурено, но в общем ничего не взято. Больше обысков ни в Москве, ни в Муранове не было.

*Впервые опубликовано в журнале
«Москва». 1993. № 11.
Печатается в сокращении*

Часть II

Не могу не рассказать еще об одном эпизоде криминального характера, тем более, что сейчас почти во всех газетах уделяют место криминальным событиям!

Когда директором Муранова был дядюшка Николай Иванович, в музее не было серьезных краж. В первые годы существования музея на столах в кабинете, спальню и в других комнатах лежали различные мелкие предметы, которые находились на этих местах еще до создания музея при последних обитателях дома. В редких случаях эти предметы исчезали: мы тогда говорили, что посетители музея «вынесли впечатления!». Позднее, когда посещаемость музея возросла, следить за сохранностью этих

мелких экспонатов стало невозможно, и их либо убрали, либо поместили в витрины. Лишь один раз зимой из Голубой гостиной были украдены большие бронзовые часы, изображающие колесницу. Некогда эти часы были похищены в каком-то именин солдатками Наполеона, а затем отбиты у них партизанами Дениса Давыдова. На этот раз воры подумали, очевидно, что часы изготовлены из золота. Через несколько дней часы были обнаружены в снегу около станции Ашукинская, причем у коней были отломаны и исчезли передние ноги. Видимо, их использовали для определения металла. После возвращения часов в музей ноги у коней были восстановлены, но все же заметно, что они отреставрированы.

После смерти дядюшки в августе 1949 года новый директор музея Кирилл, как в прошлом и дядюшка, большую часть времени проводил в Муранове, но периодически бывал в Москве, работая в ИМЛИ, библиотеках и архивах.

В ночь с 15 на 16 апреля 1950 года в музее была произведена большая кража. Кирилл в эти дни был в Москве, и кражу обнаружил утром научный сотрудник музея С.А. Наговицын. Он сразу же поехал в Москву, и в тот же день Кирилл с агентом МУРа и собакой приехали в Мураново. Внимательный осмотр музея, произведенный Кириллом и сотрудниками, выявил, что всего похищено 16 экспонатов: довольно большой резной ларец из моржовой кости, старинные чашки, статуэтка Наполеона, ковер, вышитый вдовой Тютчева Эрнестиной Федоровной, фарфоровая чернильница и ряд других экспонатов. Было очевидно, что вор (или воры) проник в музей через окно в так называемой «литературной комнате», так как в форточке был вырезан кусочек стекла, что позволило открыть ее, а затем и окно. Тогда еще здание музея не было оборудовано никакой сигнализацией, а в окнах даже первого этажа не было решеток! При этих условиях за 30 лет существования музея, кроме упомянутого случая хищения часов, все было благополучно.

Собака-ищейка сконфуженно виляла хвостом, но не пыталась обнаружить чей-либо след. Равнодушные собаки впоследствии получили объяснение. Оказывается, вор до этой кражи предусмотрительно похитил в музее две пары тапочек, которые надевают посетители музея. Одну пару он использовал, чтобы пройти по террасе дома до окна, а в другой ходил по дому. Естественно, что тапочки, которые до этого надевали сотни ног, не сохранили специфического запаха похитителя.

Следователями были допрошены все сотрудники музея и лица, имеющие к нему какое-либо отношение; как принято говорить, было «заведено уголовное дело», но найдено ничего не было.

Как же развивались события дальше? В конце сентября того же года Кирилл проходил в Москве по Столешникову переулку и в витрине ко-

миссионного магазина заметил фарфоровую чернильницу, похожую на похищенную из музея. Он зашел в магазин и, внимательно осмотрев чернильницу, пришел к убеждению, что это действительно та самая вещь. Сославшись, что у него с собой нет денег, он попросил продавца отложить ее на час. Сам же он связался с МУРОм и вернулся в магазин со следователем. Следователь выяснил адрес лица, сдавшего вещь на комиссию, и сказал Кириллу, что ему позвонят, если он будет нужен. Вскоре его попросили приехать по определенному адресу, где обитал со своей матерью студент Ветеринарной академии Виктор Арман, который и оказался похитителем мурановских экспонатов.

Когда Кирилл приехал, то Арман уже был арестован. По отъезду Кирилла, комната Армана напоминала склад комиссионного магазина, поскольку она была заполнена различными, в значительной степени антикварными предметами. Здесь были все экспонаты, похищенные в Муранове, ряд вещей из музеев Советской Армии, Революции, Станиславского, Льва Толстого, Тимирязева и даже, что самое удивительное, с Выставки подарков Сталину, где охрана находилась в каждом зале!

В мурановском ларце из моржовой кости есть небольшой ящичек, типа потайного. В нем оказались измельченные ордена высших степеней, которые Арман намеревался, очевидно, реализовать как драгоценные металлы.

Интересно, что Кирилл был одним из немногих директоров, заявившим сразу о краже в музее. В большинстве же случаев об этих фактах умалчивали, а затем пропавшие экспонаты списывали.

Арман был, конечно, весьма квалифицированным вором. Мне рассказывал один знакомый юрист, что в музее при Институте юридических наук был специальный стенд, посвященный Арману и технике, применявшейся им в его «деятельности».

Думаю, что было бы неправильно окончить очерки моих воспоминаний, не остановившись на отношении нашей семьи к религии. Конечно, Тютчевы и Пигаревы были религиозны, но религиозны не фанатически.

Небольшая церковь в усадьбе была построена моим дедом И.Ф. Тютчевым. Но в церкви не было постоянного священника. Священника присылали из Троице-Сергиевой лавры. Судя по сохранившимся у меня дневникам мама, служба в церкви, во всяком случае в летний период, была еженедельно. После же революции, уже на моей памяти, служба бывала только по праздникам, но перед Пасхой в течение всей Страстной недели. Обычно из лавры приезжали о. Савватий или о. Варнава. Последний был к тому же искусный плотник и иногда задерживался в Муранове, чтобы осуществить какие-либо ремонтные работы в музее.

Регентом церковного хора был сторож музея Яков Сергеевич Дмитриев, работавший ранее в имении садовником. Его сыновья, Дмитрий и Федор, были основными мужскими голосами, а мама, тетушка, Катя и еще две-три молодые женщины из деревни — женскими. Репетиции хора, как их называли «спевки», всегда проходили у нас дома, в тетушкиной комнате.

Церковь внутри была очень уютная. На иконостасе — шесть больших икон, если можно так сказать «семейных святых» — Иоанна, Ольги, Софии, Феодора, Николая и Екатерины. При открытии церкви в период коллективизации эти иконы были переданы в церковь в с. Рахманове.

7 августа 1994 г.

*Впервые опубликовано в журнале «Москва». 1995. № 1.
Печатается в сокращении*

Детский домик в парке